

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЗВОННИЦА АЛЕКСАНДРА РОМАНОВА

(Размышления над творческой судьбой русского поэта)

*...А звон всё наплывает,
Гуляет в небе звон.
И каждый звук пылает
Протяжностью времён...*

ЗАЧИН: ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Слова Александра Романова в начале нового тысячелетия звучат как поэтическое завещание:

*А мы затем на свет родились,
Чтоб не остаться без следа,
Чтоб на особинку светились
И личности, и города!*

Он заявил о себе как поэт, «видящий мир и созидающий мир на особинку, стремящийся самыми точными словами, взятыми из речи своих земляков и сограждан, выразить многомерность и неповторимость народной природы, трагедийную высоту её бытия, заповедную красоту её духа...» (Станислав Золотцев).

И хочется вместе с поэтом, «подъезжающим к Вологде с севера, с родной деревенской сторонь», увидеть «поверх всего города снежное облако Софии и жёлтое солнышко, венчающее колокольню» и с радостью воскликнуть: «Здравствуй, Вологда!»

*Во всей Руси роднее места нет
Для светлых дум и верного свиданья.
Здесь в лихолетья всенародных бед
Поэзия, как животворный свет,
Исходит из небесного сиянья...*

Романов и Вологда. Они уже давно сроднились – поэт и город – и стали единым целым. С радостью узнал, что администрацией принято решение назвать его именем одну из новых улиц древней Вологды. Он, живя и трудясь по правде и совести, как учили отец с матерью, оставаясь в душе крестьянским сыном, возвысил себя до высокого звания гражданина города, любимого и воспетого им в стихах.

*Мы – как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем упёрлось в село.
Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю, –
И вершину знобит...*

В нашей 860-летней Вологде «...чуткой памятью и ныне за звуками нашего времени можно расслышать гром посоха Ивана Грозного, напористую походку Петра Первого и лёгкий шаг задумчивого Константина Батюшкова, чей стих волнует и нас, его потомков. Здесь в камне и дереве, в музейных залах древней иконописи и ремёсел, в просторности и певучести окружающих строений можно и ныне рассмотреть мудрые порывы народного гения. Здесь воистину пахнет Русью! Только жаль, что многое из наследия далёких предков по нашему собственному небрежению утрачено безвозвратно. И когда я прохожу в раздумье по этим зелёным берегам, в сердце кипятятся, закипают слова Александра Сергеевича Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Сказано точно и беспощадно». (Романов А.А. *«Вологда моя светловолосая»*, 1966 г.)

Так же «точно и беспощадно» говорил и писал сам Романов, когда речь заходила о памяти, о чести, о достоинстве. Однажды июньским вечером мы стояли с ним у памятника Батюшкову на Соборной горке. В моей телепрограмме «Город, где резной палисад», в рубрике «Признание в любви», выступали художник Валерий Страхов, поэт Юрий Леднев, народный артист России Алексей Семенов. Я предложил и ему признаться в любви к родному городу.

Было время белых ночей, зыбкий вечерний свет тихо и благостно перетекал в ночные мерцающие сумерки и освещал самые тёмные уголки города. В эти минуты, напоенные неземным светом и покоем, душа способна услышать душу города.

– Какая величавая тишина! – произнёс Романов, глядя на излучину реки, над которой закипала робкая сиреневая дымка. – Какую красоту нам оставили предки, а что мы добавим к ней? Ты когда-нибудь задумывался над этим?

– Не знаю, что добавим, но молю Бога, чтобы не испортить или не навредить...

– И то верно, – согласился Романов, и мы, замолчав, думали каждый о своём.

Поэт согласился на участие в программе, но жизнь распорядилась так, что мы не сумели встретиться с ним у церкви Александра Невского. Именно у неё, помня отца-воина, он хотел признаться в любви к Вологде и родной вологодской земле.

То, что я хотел от него услышать на Соборной горке, прочитал в предисловии к книге «Вологда моя светловолосая», изданной к 850-летию юбилею Вологды. Александр Александрович сказал о ней сыновнее слово – искреннее и тёплое:

«Вологда – не просто город. Не просто географический знак на карте. Не просто местожительство многих поколений. Вологда – это исторический путь России к Северному океану и за Уральский камень, в далёкую Сибирь, к океану Восточному. Вологда – это самобытный образ русской жизни, запечатленный на века камнетёсами, плотниками, сказителями, резчиками, кружевницами, песенницами, самыми разными мастерами народных художеств. Вологда – это более чем восьмивековая память о Родине. Память, переданная нам в наследство. Для каждого вологжанина Вологда – не просто пометка в паспорте или свидетельстве о рождении. Вологда – это чувство причастности каждого к делам и подвигам своих земляков. Хорошо, разумно поставлена Вологда среди северных земель! И она для нас не просто город, а жизнь нашей души, свет нашей любви к Родине, к милой России...»

По словам главы города «с годами у поэта сложилась своего рода энциклопедия о родной стороне – историческая и духовная».

Пришло время взглянуть на губернскую столицу, на земли в её управлении и сбережении, и на самих себя с поэтической звонницы Александра Романова. А он на ней собрал и оставил нам колокола, отлитые в горниле его поэтической души и настроенных им на лад звонницы главной, колокола которой не раз собирали горожан на соборную площадь – во дни побед и бед народных. И у каждого его колокола – радостного и тревожного, лирического и эпического – свой голос и своя мелодия.

**ПЕРВЫЙ КОЛОКОЛ:
«СЛОВ ПЕВУЧИХ
ТИХАЯ ОТРАДА»**

Первый колокол на звоннице его юбилейной книги «Ради светлости дня» настроен на отчину. Как же созвучна и как желанна она – его «слов певучих тихая отрада»! Сколько сыновней нежности и благодарности вложено поэтом в каждое слово, окрашенное искренним чувством, светлой душой согретое, освящённое трепетной любовью и обращённое к самому дорогому в жизни – к родной земле. Той самой, которая приняла его на свет белый и дала силы жить и творить на ней, ничем не обделя – «ни радостью, ни гордостью, ни болью».

*Всю местность, всех дорог витьё
Пройти и дня хватало,
Но наглядеться на неё
И целой жизни мало...*

...Вижу, идёт по осеннему просёлку погружённый в себя странник (поэт любил живопись Михаила Нестерова, а образ пустытника был особенно созвучен строю его молитвенной души). Сорванные с веток жёлтые и багровые листья жарко мерцают в сумрачном воздухе, будто «искры памяти», и, как наяву, вырастают перед странником дни минувшие – дороги и памятные. Поэт на земле всегда странник. Для него вся его жизнь – «это вечное возвращение домой, на родину, к самому себе. Через всю Россию – только домой. Но с мыслью о целом мире. О всей Земле».

Он не спешит. Идёт по обочине старой дороги, знакомой с детства. Долго стоит у непаханого поля. Вспоминает первую борозду, которую провёл на колхозной пашне: «Ручки у плуга оказались чуть ниже плеч, гнедой мерин оглянулся на меня и, видимо, поняв мальчишеское волнение, тронулся по краю поля медленно и ровно. Босьми ступнями ознобно почувствовал глубину борозды, а жарким лицом – ветер настоящей жизни! Так, на своём двенадцатом году, я ощутил в себе крестьянскую силу, которой от века были крепки мои родичи – русские землепашцы».

...Вот он свернул к перелеску с ольхой и осинником. Не здесь ли настигла его «легучая радость», когда перед ним «из порыжевшего куста метнулся белый горностаи»? Не здесь ли «в час, когда он изнемог, Круглолицая ромашка осветила бугорок. Слово мне кивнула: «Здрасьте!» Белозубо рассмеясь». Может, здесь и «вился ячмень гусарский, шатаясь от налива»?

Путник, взяв сухой берёзовый сук вместо дорожного посоха, идёт дальше и останавливается у светлого ручья Шумечево, чтобы послушать его голубиное воркованье. Ручей тоже напросился в его стихи и однажды в них «за шумел между строк».

И в чистых водах его будто отразился тот памятный летний день в праздник Вознесенья, когда он с дедом Александром, подходя к церкви, издали ещё услышал «наплыв колокольного звона», чтобы запомнить его на всю жизнь. Навсегда остался в памяти и праздничный стол в зимовке деда Ивана (он два срока избирался волостным старшиной и имел царскую медаль «За службу Отечеству»), когда с детским любопытством, но не без робости оглядывал свою многочисленную родню, запоминая каждого, чтобы потом написать: «И сердце мое росло от радости – я любил всех! И деда, и отца, и мать, и бабу Катерину, и дядю Сергея, и всех этих незнакомых мужиков в расшитых рубахах, и этих дородных баб, загоревших на своих огородах. Все они оказались нашей родней! Как много нас!..»

Это теперь он всем существом своим чувствует «таинственный ток, исходящий из отеческой земли и веющий в нас печалью верности своему далёкому родству», а тогда ему было просто хорошо и радостно и казалось, что ничего лучше, чем праздник Вознесенья, в жизни не бывает.

Ст.Золотцев отметил: преклонение перед словом «отчество» говорит о нерушимом в душе поэта чувстве наследственного своего существования на земле, «чувстве

корня», живом присутствии в его творческом мире неушедшего прошлого. Не здесь ли, у ручья Шумчево, в ветренный день поэт не мог «унять сердце», когда над ним звенели *«тревожно, и сладко, и грустно берёзы – зелёные гусли»*? Не отсюда ли по ранней весне принёс «добрый человек раненого тетерева», который в тёплой избе, вспоминая «рассвет и ельники», «пугал суеверных старух тоскливой песней»?

Не здесь ли поэт ходил за волнушками, но не набрал, уж слишком память расстрожил, а «ребятня дивилась: стоит что-то дядя и волнушек, чудак, не берёт».

Вот он садится «на белую кочку, где около осинничка на бугре ещё заметны следы старинной пашни: борозды и крайки», и где они с Валькой Сараевым ходили по мартовскому насту на болото за ельником для телёнка. Тогда Валька в сеновале руками поймал «матёрого зайца – ослепительно белого, пушистого и красивого».

С тех пор и живёт в сердце то неповторимое ощущение счастья. Они, ещё мальчишки, уже «догадывались, что счастье, предназначенное им, исходит вот от этого неба и от этой земли». Зайца потом, правда, упустили (Валька споткнулся и упал), но не горевали, а «рассмеялись, счастливые тем, что живут и любят свою Родину».

Вот берег застенчивой и сонной речки Двиницы с тёмными омутами, украшенными сердечными листьями жёлтых кувшинок. Не здесь ли, «где ивняк» укрывает берега, постигал мир «тонконогий, светло-рыжий с белым пятнышком во лбу» жеребёнок, ещё не узнавший «узды, кнута и ненастья»? Не здесь ли поэт с удивленьем увидел «роскошную черёмушку», а потом написал: *«...И как на этой сырости Могла такая вырасти?»* Не с этого ли берега любовался он радугой, похожей «на драгоценную подкову, оброненную второпях» отшумевшей грозой со слепым ливнем?

А вот и Петряево. В нём дед Александр Никанорович «срубил для своих сыновей и дочерей четыре дома». До сих пор цветут по весне около избы черёмухи, им же посаженные. Как хорошо присесть на лавку под окном и успокоиться душой.

Вспоминает он, и кажется ему – «деревенские люди тех лет, встающие в памяти, смотрят на него, теперешнего, строго и взыскательно. Будто говорят они: «Ищи слово, равное своей судьбе. Только такими словами сможешь рассказать и о нас...»

Он не забывал, откуда он родом. Помнил и о том, что он русский, и «тем, что русский, он гордился». Не забывал и помнил – «как пришли мы к весёлым дорогам От таких невесёлых дорог». Он радовался, что живёт на светлой и горькой земле, и, помогая ей сыновним словом, ни от одного прожитого дня не отрёкся.

ВТОРОЙ КОЛОКОЛ: «РАДИ СВЕЛОСТИ ДНЯ»

И поёт он благой вестью, и гудит, будто «пятистенки, снегами зажаты». Голос его – это звон чистого Света. Он с детства плескался у него в душе и свойства имел целебные.

Без этого неизречённого Света трудно было бы жить и устоять. Ведь не раз в жизни всё меркло от потерь и утрат, и не раз сердце сбивалось с ритма от ледяного дыханья бездны и смерти. А он жил вместе со всем народом, «переполненный любовью к людям, к миру, к небесам» и терпел всё «ради светлости дня», чувствуя себя «единым звеном меж ушедших и живущих». Его спасал – Свет! И были у света целительного свои неиссякаемые источники – земные и небесные.

Свет – это и родная его сторона – «одно из чудес на свете!» Он так хотел, чтобы родная сторона «встала в полный рост Да свет несла над крышами Не только от берёз». Свет – это родительский дом, в котором от века настроено «всё на добрый лад». В нём светлая лестница «С перилами степенными Всё крепится, всё светится И всё кого-то ждёт». В нём и печь «широкая, добрая, ладная». Она, как «величаявая твердыня», и «нет ей износу».

Свет – это и праздничное в доме застолье, когда собирается большая семья, представленная тремя-четырьмя поколениями («прабабушка да бабушка, да внучка»).

Свет – это семья, для которой «родство служило в жизни, что чёрный хлеб». Свет – это и мать, для которой в её день рождения у сына не одно стихотворенье «зацвело черёмухой – раскидисто и светло». Это она, любя, укрывала его одеялом «от рук до ног» и открывала ему в детстве всю «первозданность мира». Для него и «радость утра» наполняла сердце, когда он видел «мать в мерцанье зорь»:

*Возьму ли утром полотенце –
Таких узоров в мире нет!
И обольётся светом солнце,
И это – материнский свет...*

Свет – это и «тепло отцовских писем» с фронта, адресованных ему, как старшему сыну. Отца призвали в Красную Армию 24 июня 1941 года. Дома остались жена Александра Ивановна 33-х лет и сыновья: Шуре 11 лет, Паше 7 лет и Лёве 2 года.

Свет – это и любимая, которая, как радость, «ходит по улицам, улыбаясь солнцу, снегу, людям». Это и таинство «посвящения её в родню», освещённое, с одной стороны, молодостью «смятенных чувств», а с другой – «зоркой мудростью глаз» матери. Обращаясь к ней, верной и преданной жене, он умоляет:

*Научи меня, слышишь,
Чистоте, прямоте –
Этой, может быть, высшей
На земле правоте!..*

Глядя на неё, хрупкую и нежную, он недоумевает: «*Столько сил откуда брать, – И тепла и света?*»

Свет – это дети: с их рождением у человека и «жизни круг размыкается», и брезжит впереди весёлый свет будущего. Это и внуки. С их появлением «годы встают – что колосья» спелые, и «тянется колос любви ... из семейного круга», когда уже с отцовского плеча на сыновнее «садится солнышко жар-птицей и горячо светит»:

*Стает радуга, а солнце
Утвердится над судьбой.
Чистым плеском из колодца,
Детским криком обернётся,
В праздник вырастет любовь...*

Свет – это и «прозрачный вечер» ранней осени. «Девушка в голубой кофтенке» стоит на картофельном поле, облокотившись «на вересовый черенок». Она видит как «берёзы, словно соты, роняют в воду рыжий мёд», а сама томится в сладостном ожиданье того, желанного, кто бы «негромко окликнул её» у светлой околицы.

Свет – это и светоносные души земляков, таких, как легендарный пахарь Еня. Людям он помнится и спустя «полтора года лет», потому, что такие люди не унывают, какие бы ни обступали их беды и какие бы напасти ни застигали белый свет. Они и всего-то – «весёлую искорку бросят, и светится искорка та». И Анна, у которой семеро по лавкам, говорит: «*белого света хватит всем, да и теплее, когда ребята*. И верно, «в каждой избе было многолюдство», – свет в них был особый, и жили дружной.

Кто из нас, родившихся в деревне, не поклонится по примеру поэта её великим людям, не назовёт каждого из них по имени и отчеству и не скажет им от души: «*Спасибо, деревянная Россия, За колыбель, Науку, Хлеб И соль!..*»

Свет – это и сама матушка-природа. Поэт входил в неё, как в храм, и жадно «копал в душе зарю». Сколько удивительных строк посвятил ей поэт!

*В горячих полднях бронзовеют сосны,
Темнеют липы и роняют мёд.
И лишь к берёзкам в далях сенокосных
Загар опять никак не пристаёт...*

Он не первый пришёл на эту землю, чтобы воспеть её и не посрамить перед сельчанами свой род. Он и себе, и землякам своим желал одного: *«чтобы жить на ней, не хвастаясь, здравствовать и крепче государствовать!»* И до него жили на берегах Двиницы и Сухоны люди, оставившие в наследство потомкам «сиянье дней в сто тысяч радуг». Они так же, как он, замирали «перед величием природы».

Свет – это и сама Россия. Она, Богом избранная, несёт в себе и веками крепит *«державные связи и грядущего нашего мощь»*. Да и не только нашего, русского, но и всего человечества.

*Да, конечно, огромна Россия!
В синь росисто вместила она
И в себя столько света вместила,
Что сиять ей во все времена!..*

Свет – это и наша православная вера. Одно из самых светлых его воспоминаний – материнские молитвы. Мать поэта, Александра Ивановна, была набожной. Он через всю жизнь пронёс «терпкую сладость причастия, того самого первого глотка крови Христовой», когда стоял с дедом Александром под сводами церкви и слушал, как «церковный хор возносит под сияющий купол моление Богу, да так, что и в нём, ещё не знающем никакого греха, закипали тихие слёзы». Ему, «приткнувшись на печи», хотелось плакать и тогда, когда «страстными, тревожными и жалобными словами» молились перед иконами мать с блаженной Аннушкой-скиталицей. Для него «Бог – не церковная догма, нет! Бог – это нравственный самоконтроль в человеке, это свет души, побуждающий человека к добруму, разумному действию в течение всей его жизни. Бога, – считал он, – надо поселять, утверждать в душе как совесть».

Свет – это и живое русское слово – русский язык! Поэту суждено было взять на себя нелёгкое бремя ответственности за него. Он понимал, что:

*В спелом слове – огненная сила.
Взял его – будь к подвигу готов,
Чтобы правда в книге проступила,
Будто соль на спинах земляков...*

Для него слово – это тайна. Он «примечал зорко» всякое слово и радовался – «из каких глубин достали это чудо?». А ещё больше удивлялся, «что слово, как запал, В тебе самом дремало, А ты его не знал». Он всю жизнь пытался приоткрыть эту тайну, и ему, как мало кому другому, слово отзывалось и доверялось. А поэтическое слово – это «искры памяти», и в них, по его признанию, – «вспышки совести и житейской благодарности людям, встречавшимся на жизненном пути: А.Яшину, С.Орлову, Ф.Абрамову, В.Белову, Н.Рубцову, С.Чухину и другим».

*Что золото и камни!
В нём то, чем жизнь жива,
Гранённые веками,
Алмазные слова!*

Вот они источники живительного, а часто и спасительного для нас «русского света» – родина и родительский дом, мать с отцом и дети с внуками, любимая женщина и верные друзья, Природа и Россия, Вера и Слово.

ТРЕТИЙ КОЛОКОЛ: Василий Оботуров в статье «Солнце в зените» отмечает, что **«ЛИШЬ ПАМЯТЬ ЗАТРОНЁШЬ...»** для Романова «категория «память» одна из самых главных. Вернее, даже не категория, а центральный нерв его души и поэзии. И первое, что будит память в воображении поэта, – образ Отчины...» Углубляет эту мысль Ст. Золотцев: в Александре Романове «заложена подлинная способность к поэтическому воскрешению памяти».

В наше не очень памятьливое время это особенно удивляет, поражает, радует и вызывает к совести. И память у него – деятельная.

Из очерка «Отцовское озеро»: «В горестном оцепенении медленно прошёл я у навесных плит с фамилиями погибших. Более четырех тысяч имен! Отыскал Романовых. Семь однофамильцев, но мой отец Александр Александрович не упомянут. Он – в безымянных. Отец не упомянут. Это уже моя вина. Мой грех. Мой стыд. Мой бы приехать я раньше, мог бы! Как теперь идти мне с ущербной совестью?.. Отец лежит здесь, в этой округе. Под каждым шагом – он. Каждый шаг – боль... И я пошёл к Иханталу-ярви. А там испил этой студёной воды вместе со своими слезами да умылся. Будто причастился и очистился...»

Мой дед Никифор тоже пропал без вести. Представляю чувства Романова, когда узнал от местного егера: «на месте боёв – тысячи незахороненных солдат. Кого смогли – прибрали: где земля – закапывали, где скалы – камнями заваливали. Ставили столбики, на дощечках – где фамилии, а где одно число писали. Вот как было...»

Год назад у деревни Смердыня под Любанью (Ленинградская обл.) я видел, как наши земляки, разные по судьбе и по возрасту, уже не первое десятилетие, ищут неизвестных солдат. Поднимают останки и хоронят. Там, держа в руках солдатский медальон, пролежавший в земле 67 лет, я обрёл надежду – пусть в одном из них прочитается имя моего родного деда – Никифора Дмитриевича Кудрявцева...

Я вспомнил об этом, когда в поэме Романова «Отец» дошёл до строк:

*Я обмер. Будто в берег врос.
Так вот оно какое!
Темнело чашей вдовьих слёз
В своём взрывном покое.
Белели чайки лишь окрест
Да сосны зеленели...
Я перед скорбью этих мест
Свалился на колени.
– Отец, ты слышишь ли меня?..*

Я тоже ходил по вязким лесным тропам. Посадки на полях боев и запашки плугом, после которых остались канавы, местные жители сделали здесь после войны – в пятидесятых. Тогда ещё можно было многих найти и достойно похоронить, но, видно, люди так устали от войны и смертей, что у них на погребение не было уже ни сил, ни возможностей. Этот нелёгкий, но святой труд выпал на долю людей моего поколения и поколения наших детей и внуков...

Александр Романов – один из тех, кто сам нашёл место гибели отца. С него он вернулся как будто другим человеком: «На нём, в скорбной тишине, я ощутил суть самого себя как человека и с беспощадной ясностью увидел смысл своей жизни. И до скончания дней буду таким, каким вернулся с отцовского озера».

Поэт Александр Бобров помнит, как они стояли на берегу осенней Сухоны, вспоминая погибших на войне (он – старшего брата Николая, а Романов – отца, оба погибли «среди озёр и скал Карельского перешейка»).

*...И в шири поднебесной
Открылся весь отцовский путь
Тяжёлый, долгий, честный...*

Вспоминали и «как бы ещё раз друг перед другом поклялись без громких слов остаться верными русскому пути, который не с нас начинался, и не нами, дай Бог, кончится...»

А главный русский путь – по Романову – «это путь к себе, в себя, в своё прошлое и будущее одновременно. Через заблуждения и соби́рание не только исторических

камней, но всех наших, разъятых безвременьем родственных связей. К собиранию самих себя, своей национальной сущности!»

Для А.Боброва прозвучали, как заклинание, и другие слова его старшего друга: «Что бы ни случилось с Россией, писатель должен работать не покладая рук. Спасенье только в этом. Опускать руки, впадать в отчаяние – великий грех. Я лично так думаю, так и поступаю». Эта памятная для Боброва встреча у памятника Рубцову в Тотме случилась, когда мы ещё жили «с ощущением бескорыстного братства, глубинного родства душ, безоглядной распаханности». Я, к счастью, это время застал и помню эти удивительные по духовному наполнению встречи.

Он ждал перемен («хороших, чистых и высоких») и потому с радостью откликнулся на те из них, которые несли в себе животворящее начало. Слыша по радио праздничный концерт из Большого театра, посвящённый 1000-летию крещения на Руси, «слушал духовную музыку и плакал радостно, просветлённо, самоукоризненно», и вспоминал маму: «Как бы счастливо плакала мать и крестилась, и замирала бы страдавшей душой своей от света долгожданного праздника!..»

Переживал он и за другое, понимая: «...*Что вместе с тем, что ненавижу я, Пройдёт и то, что мне всего дороже...*» Потому-то он иногда с тревогой и с прищущей ему жесткостью к самому себе спрашивал: «А чем я занимаюсь? Делом ли? И успокаиваюсь на мысли, что я восстанавливаю ушедшую жизнь и людские судьбы, унесённые от наших живых дней уже в вечность. Я как бы «поправляю» беспощадное время, заставляю его вновь сверкнуть отсверкавшими уже огнями, озарить нас давней жизнью и тем самым обогатить нынешнюю, а может, и будущую жизнь».

Как хорошо и как по-романовски точно и мудро сказано! А ещё – ответственно! Ведь у каждого из нас есть чем озарить и отрезвить себя из «давней жизни». Он и писал-то с верой, и жил, думая, что своим личным примером сможет помочь человеку «растеплить свою душу хотя бы до малого лучика – и сгинул бы тогда окруживший нас мрак бездуховности и беспутья».

В этом его поддерживали и читатели: «Если бы все лелеяли матерей, как это делал в жизни Александр Романов, в России меньше было бы слёз» (Т.Пушникова).

Поэту «не всё равно», *что* было хорошего вчера и *что* творится у него «под боком» сегодня, потому что завтра это «коснётся и внуков» наших. Он обращается в прошлое, «читает древние страницы» потому, что они с каждым годом ему «всё нужней». Через прошлое, сопрягая его с настоящим, только и можно увидеть или хотя бы представить, каким оно может быть – наше будущее. Прошлым он поверял и свою жизнь, чувствуя, как оно «обостряет зренье и чутьё», заставляет взглянуть на себя со стороны:

*И я минувших дней касался,
И видел в них точней зеркал,
Каким я сам себе казался,
Каким на самом деле стал...*

Он сохранил в стихах и «неподкупленного Герасима», от которого пошла «изначальная Вологда», и других лиц российской и вологодской истории. Он всегда горько сожалел о том, что «мы не ценим прекрасное, что до нас свершено», не уважаем труд своих предшественников и бездумно разбазариваем их наследство. Всё реже встречал он ту самоотверженную, мастеровитую «работу, которой были мы сильны».

Проявление беспамятыства он видел и в том, что среди нас появилось «великое множество таких людей, которые никогда не придут к Христу. В них уже вытравлена потребность духовной жизни – в них потребительство стало единственным инстинктом сладкой, животной жизни».

В 1994 году Романов в предисловии к книге М.Свистунова о городе Соколе (к сожалению, не изданной) писал: «Нет меры нашему историческому беспамятству и унижению!.. Вот самый простой вопрос: много ли мы ведаем о своём крае и о местах, в которых живём? А знаем только лишь самую малость – лишь то, что укладывается в годы жизни своего поколения. Даже о родителях наших зачастую ничего толкового рассказать не можем. А уж что говорить о бабушках и дедушках!.. Хотя нам самим отвлечённо кажется и мнится, что мы всё-таки не такие уж беспамятные, что минувшее в нас живо. А обернёмся и словно бы слепнем: жизнь, не столь ещё и далёкая от нас, но уже отшумевшая, почти что не видима, и не различима нами...»

Вот в каком самообмане мы пребываем. И, теряя связь между поколениями, поневоле впадаем в историческое беспамятство. Оно трагично для любого народа. Для русского же народа, подорванного многими революциями и войнами, такое беззаботное отношение к своему прошлому может оказаться самогубительным.

А жажда правды, какой бы горькой она ни была, всё насущней и неутолимей жжёт и мучает нас, и мы рвёмся к ней, к выстраданной нами правде, как к духовной свободе, как к своему личному и национальному прозрению...»

И как заклинание звучат его поэтические строки, обращённые к нам, современникам, и к будущим поколениям:

*Какие были потрясенья!
А что там, что там – впереди?
Всем существом – веками всеми –
Ты, русский человек, гляди...*

ЧЕТВЁРТЫЙ КОЛОКОЛ: «ЖИЗНЬ ИЗВЕЛАСЬ НА РОДИНЕ МОЕЙ...»

*В конце безрадостного века
При всеобмане мировом
Одно спасенье человека –
В своём Отечестве своей дом...*

Александр Романов – не плакальщик, хотя заплакать ему было от чего. Поэт много предвидел в крестьянской жизни, и от этого ему было ещё тяжелее, поскольку сбывалось то, чего он больше всего боялся и от чего предостерегал. Но порой приходил в ужас от увиденного на родной земле. Спустя годы, когда уже не стало его верных друзей – Ивана Сахарова, Николая Паутова и Александра Салтыкова – Александр Романов пришёл в Горку, куда они раньше хаживали вчетвером. Здесь, в бывшей дворянской усадьбе родственников П.В. Засодимского, Николай Паутов создал когда-то местный музей:

«...А как вошёл в Горку, так и споткнулся. Так и онемел. Так и охолодел. Да чьё же это злодейство? Да кто же так глумился над родной стариной?.. Вот этот красивый дом не просто разгромлен, а испохаблен до ужаса. Вышиблены не только окна, а и простенки. Печь развалена. Комнаты загажены. Крыльцо разворочено. Вся старинная красота растоптана молодыми выродками... Откуда они? Чьи они? Чего они добивались? Неужели это внуки и правнуки из наших же родных деревень? Неужели это они?.. Если это так, то оскорбляют и опоганивают не только своё родство, но и всё наше корбангское потомство. И должно быть худо таким лиходеям, в чьи рожи бросят пожилые люди унижительное словцо: потомыши! Они недостойны называться нашими потомками».

Какая боль! И чем старше он становился, тем больше переживал за всё, с чем ему приходилось сталкиваться в деревенской жизни. Себя он называл «писцом опустевшей деревни» и «искателем своих родословий». Старался подальше «унести свою боль от родины», видя, что с нею происходит.

Подводя итоги прожитых лет, он писал: «Мною уже много нажито (да, да – именно нажито!) собственных понятий о счастье и несчастье, о правде и лжи, о человеческих достоинствах и слабостях, т.е. обо всём, что составляет суть земной жизни человека. Меня теперь уже не могут ввести в заблуждение, в смущение, в растерянность никакие новейшие суждения о нашей русской жизни. Я через себя понял всю трагическую, подвижническую и ещё не осознанную в истинном свете великую суть русского народа. И мне теперь одновременно и очень тяжело, и очень легко».

Он понимал, что «дней минувших не поправить, но и пером не зачеркнуть», как понимал и то, что *«... если с прошлым полукавить, Легко в грядущем обмануть...»*

Он не одно горе-несчастье разделил и пережил с родной землей, готов и новую «беду перебедровать». Кто-то ищет в беде крайнего, кто-то – врагов. Так, если захотеть, можно и перед потомками оправдаться. Но в беде своей мы и сами виноваты, нет, не во всём, но во многом: предали мы, отступники, «святоотеческую землю», забыли о «власти мужицкого родства», «развевали в дым былую оседлость», забывая о том, что главный-то враг – внутри нас самих.

Он глядел на жизнь трезво и понимал, что можно ещё в деревне изменить и спасти (например, протрезветь), а что уже объективно не удержать (миновали точку возврата). За три года до смерти в 1996 году в очерке «Земля» он с горечью констатировал: «Безработица в деревне... Это уже нечто дикое! В 1917 (перед Октябрьским переворотом) в Петряеве было 49 хозяйств, насчитывалось в нём (от старого до малого) ни много ни мало, а 266 человек! Работоспособных мужиков было 130, а женщин – 118. Было 15 хозяйств с четырьмя и более коровами. Домов было 49, овинов – 26, холодных построек – 183. А ныне, спустя 79 лет, постоянно проживают в моей деревне не более сорока старых жителей. Всего-то! И детей уже нет в Петряеве... Что же станет с нашей землёю, с нашими лесами? Кому они достанутся?»

Прошло ещё 14 лет. Сегодня в Петряеве «зимуют» человек 15...

Слава Богу, жив родительский дом (с весны до осени в нём живёт Анастасия Александровна Романова, вдова поэта), а недавно младший сын Александр выкупил в деревне ещё одну пустующую избу, чтобы сохранить её. Отец, безусловно, оценил бы такой шаг сына и в деле добром поддержал и помог.

Однажды вот так же Василий Николаевич Смирнов, вернувшись из Северодвинска в родную деревню, выкупил «разорённый временем пятистенок». У наследников, живущих в городе, о нём «заботушки» не было. Выкупил и преобразил дом, а потом, думая о старых и больных женщинах, заменил в деревенском колодце старый сруб на новый. Позвал, было, на помощь «шлявшихся без дела парней, да те отмахнулись: «Ставь опохмелку, пойдём...» А он сделал бескорыстно, и как радовался тогда за того самого русского человека, «в которого уходит Русь», Александр Александрович: «Черпайте, люди, глубинную воду, бегущую из-под родной, но осиротевшей ныне на многие вёрсты пашенной земли».

Да, мы оказались «беспамятства достойны», «жили так, что вспомнить страшно». Но ведь «земля – не только почва», это судьба крестьянского сословья, и как бы она ни складывалась, – *Нам надо жить! Нам некого страшиться!*

Надо жить, если даже от нашего нерадения уже «озверела трава», «одичали земли, зарастая лебедой», а на месте «великих трудов» мастеровых предков – «жалкий прах, бурьяны да пепелища». Надо жить, отрекаясь от «безбожья и бесправья». Жить не врозь, а вместе, помня о том, что «лишь в покаянье – сила души», что «наша участь ещё не отпета», надо только бросить в огонь и сжечь – «безделье, пьянь и путь увечный». Надо «перестать самоуничтожаться и крепко взяться за работу».

Поэт, оглядываясь назад, не встаёт на «поприще судьи»: не вправе он, «земли российской сын», «упрекать Русь родную за её разбитый путь».

Размышляя о русском народе, А. Романов отмечал, что он «бесстрашен перед чужим нашествием, но незащищен (по своей странной доверчивости) перед нашествием всякой социально-политической новизны, лицемерно прикрывающейся «заботой о народе», и «новыми путями к его счастью». Боже, более простодушного и неоглядчивого народа, как русский народ, нет на белом свете! Что это – знак величия или знак жертвы?.. Горькая сия тайна, прежде всего, для нас самих».

Он и с себя вины не снимал за то, что стало с русской деревней и с крестьянином. «Русский человек, по его мнению, – самый рабский и самый вольный: жизнь – в рабстве, а душа – на воле. Он раб обстоятельств и орёл в мыслях. Может, это и есть русская сущность? Господи, помоги понять эту мучительную загадку». К русскому крестьянину он относился с искренним состраданием и глубоким уважением.

Держался в поэзии некрасовской традиции и помнил главный «завет» великого русского поэта: «благослови же работу народную и научись мужика уважать». Очень сожалел и не раз говорил публично, что «завет» певца-страдальца у нынешних поэтов «остаётся в забвении». Для него сознавать это, видя, что творится с человеком на земле, было «горько, оскорбительно, потому что понятие крестьянской России, то есть личной родины, было, как кровь, влито в наши сердца».

Достаточно перечитать его стихи и поэмы, чтобы понять, как он относился к сельчанам. Он презирал лентяев и пустобрехов, он любил крестьянина-труженика, верил в него и бескорыстно служил ему своим честным, правдивым словом и всей жизнью своей, оставляясь в ней красивым русским человеком. Он как бы олицетворял собой национальный характер и проявлял те его лучшие черты, которые и сделали русский народ великим. А многие из нас так легко навешивают на свой народ обидные и язвительные ярлыки и даже стыдятся того, что родились на «этой» земле и живут в «этой проклятой стране». По глубокому убеждению Романова (и в этом тоже я с ним полностью согласен), у народа есть только один судья – Бог или «всеочищающая совесть», в ком, конечно, она осталась и до конца не умерла. Он уверен – *«чем обиднее забвеньё, тем сокрушительнее свет»*.

В начале нового тысячелетия творчество А. Романова приобретает особое значение. Придёт время, и через его поэзию люди будут творить обряд духовного очищения. Да и сама жизнь его, само его служение России – тоже явление духа, обращённое в будущее. Я верю в то, что «оживление России и включение её духовно-волевого потенциала в государственную жизнь начнутся не с экономических показателей. Сигналом послужит, на первый взгляд внезапная, востребованность поэзии, ...когда на стадионах будут устраивать не матчи наёмных футболистов и шоу «звёзд», а поэтические вечера» (Сергей Алексеев).

Об этом говорил и сам А. Романов: «Поэты созидают согласие душ и умов, безопасность мира. Политики создают противостояние, раздоры и границы».

Вот почему многие строчки стихов Романова, где речь идет о судьбе его затухающего Петряева, всей русской деревни, а через неё и о судьбе родного Отечества – так напряжены и так бесстрашно оголены до гражданской публицистичности (а как иначе достучаться до людских сердец!). «Публицистика Вашей поэзии, – писал поэту Вадим Дементьев, – идёт от Вашей судьбы, Вашей жизни, главное, от судьбы Севера, его драмы, его редкой «светлости дня...»

В его стихах – крик его измученной души. В них – зывание к нашей совести. В них – боль, обжигающая огнем, праведный гнев и надежда, что его жизнь, прожитая им на земле, не напрасна, как и тысячи, миллионы других жизней, посвященных своей Родине:

*Положила великие силы,
А к добру ль эта бездна потерь!*

*Прежде рабством тебя поносили
И холопством поносят теперь.*

На эти, теперь уже воистину роковые для нации вопросы нам с вами, его современникам, и нашим детям, внукам и правнукам предстоит ответить в самое ближайшее время...

Поэт переживал за своих сыновей. Он воспитал их «без цинизма и пошлости». Понимал, что им в нынешней жизни «будет горько», зябко и одиноко, потому что в ней, взявшей курс на «героя-индивидуалиста», на виду именно «циники и пошляки», у которых «душевная чистота и благородство мысли, порыв к труду» ничего, кроме злой усмешки, не вызывают. Но нет, сыновья его – Сергей и Александр и многочисленные внуки «не прогибаются под мир», а исповедуют ценности, которых твёрдо держался их отец и дед и которые он им по жизни передал от имени своего древнего и крепкого рода как главное своё богатство. Сам же его унаследовал от своих трудолюбивых и красивых в чувствах и помыслах родителей.

Будь иначе, не лежала бы у меня на столе рукопись его юбилейной книги «Ради светлости дня», составленная его женой и сыновьями к 80-летию со дня рождения. Не держал бы я в руках и сборники его стихов и песен, сверстанные и тиражированные сыном Сергеем. Не читал бы и обстоятельную статью младшего сына Александра «Поэт – величина неизменная», посвященную творчеству отца. В ней он думает уже о «судьбе памяти»: «Выдержит ли испытание временем главное дело его жизни?.. Поэзия для него не только искусство словесности: она являлась самой жизнью.

Для Александра Романова истинная национальная поэзия – это не внешние эффекты, но способ благодарной человеческой памяти вспомнить всех, озабоченный взгляд патриота и гражданина на прошлое и будущее своей страны. И нам очень полезно в нравственном смысле оглянуться и вспомнить, что уже много раз Россия и русская литература переживала то, о чём в конце XX века болела душа поэта...»

Так что семья Александра Александровича, его сыновья и внуки постоянно находятся в поэтическом пространстве отца и деда и живут деятельной памятью о нём.

Не забывают своего учителя и коллеги-писатели. Областной Департамент культуры поддержал их инициативу и в рамках сотрудничества с областной писательской организацией проводит 2010 год «под знаком Года Александра Романова».

Выпуск избранных произведений «Ради светлости дня» – один из проектов, посвященных 80-летию поэта. В областной научной библиотеке будет выпущен библиографический указатель, на областном фестивале народных театров «Театральный разъезд» имени И.Т. Андреева» поэту будет посвящён поэтический конкурс «Романовские зори», а в Воробьёве пройдут традиционные Романовские чтения.

Даст Бог сил, восстановят и дороги (они тоже стоят в плане юбилейных дел): и ту, что ведёт в Петряево от деревни Курья через ручьи Корбаш и Шумчево, и ту, что в село Георгиевское от деревни Некрасово, к сельскому кладбищу, к могиле поэта.

Односельчане поэта, и все жители и гости Корбанги будут искренне благодарны этому давно ожидаемому «умному и сердечному деланию»!

**ПЯТЫЙ КОЛОКОЛ:
«ПОЭТ ВСЕХ БЛИЖЕ К БОГУ
В СТРАДАНИЯХ СВОИХ...»**

*Любовь, беду, тревогу
Переплавляя в стих,
Поэт всех ближе к Богу
В страданиях своих...*

«Какое же счастье, что я – всё-таки поэт!.. Тяжело бывает, но слово, омытое слезами, вспыхивает в строке. Поэтическое Слово – искра Вечности...»

Что такое поэзия? Каково предназначение поэта на земле? Над этими вопросами Александр Романов мучился всю жизнь. Поэтому так много оставил нам в стихах

и прозе своих удивительных откровений, неожиданных прозрений и глубоких раздумий. Через них он предстает не только талантливым творцом-художником, но и большим философом-мыслителем. По природе своей редкое сочетание, потому, наверно, и трудное, но и по-настоящему счастливое, и даётся оно только избранным, самым надёжным, верным и бескорыстным людям, только тем, кого пометил сам Бог и кого он наделил особым провидческим даром.

Насколько тяжела она – писательская ноша-доля – понимали и сельчане в лице его любимой героини: «– *Всё пишешь, голову ломаешь, – Меня жалеет Павла вновь. – Тяжеловату выбрал залежь, Поморищишь лоб, похмуришь бровь...*»

Для меня Александр Романов – неустанный старатель «золотой жилы» на реке «русского языка», хранитель его и блюститель. Он с детства почувствовал «магию» слова, стал познавать её законы. Думаю, что его талант – от матери и отца.

Отец даже с фронта присылал ему стихи, написанные в окопах. Из письма сыну от 10 декабря 1943 года: «Шурик, я здесь кое-что пишу, написал ряд стихотворений, баллад, песен и одну героическую поэму о жизни и деятельности нашей части. Всё это я пишу в свободные, но тревожные минуты...

Помимо «Песенки о Волхове», я тебе послал стихотворение «Мои воспоминания и пожелания». Если его получишь, помести в свой «Боевой листок» и, если можно, то и в районной газете «Ленинский путь».

Из письма 11 марта 1944 года сыну в деревню Петряево (Шурику – 13 лет):

«Радуюсь, что ты самостоятельно занимаешься литературой и упорно работаешь над собой. Так и впредь делай. Полной рецензии на твоё стихотворение «Красной Армии» я в этом письме дать не могу, некогда, если будет возможность, то напишу в следующем. Общее впечатление мое таково: стихотворение хорошее, содержательное, отражает историю Красной Армии. Но в нём есть и недостатки, в частности, не выдержан размер стиха, то есть количество слогов по строчкам у тебя такое: 10, 8, 9, 11, 10, 8, 7, 13...»

Удивительный и редкий пример серьёзного творческого диалога отца с сыном в самые страшные для страны годы. Наверно, стихи действительно обладают той непостижимой для нас магической силой, которая помогала им не падать духом – ни в голод, ни в холод, ни в дни утрат и потерь.

А как владела живым русским словом его мать Александра Ивановна! Только ей, вдове, с тремя сыновьями, было в жизни не до стихов. Материнским исповеданием сыну о неожиданной встрече её с Николаем Рубцовым открывает А.Романов свой очерк о Рубцове: «Только ты укатил в Вологду, а к вечеру, смотрю, какой-то паренёк застукивал в крыльцо. Кинулась открывать. Он смутился и отступил на шаг. – Я – Рубцов... (они вдвоём беседовали у самовара, Н. читал свои стихи... – Ред.)

...Поутру он встал рано. Присел к печному огню да попил чаю и заторопился в Воробьёво на автобус. Так уж просила обождать горячих пирогов, а он приобнял меня, поблагодарил и пошёл в сумерки. Глянула в окошко – а он уже в белом поле покачивается. В вихрях снега. Божий человек...»

Не знаю, как у вас, а у меня – мороз по коже. До чего же пронзительно и талантливо! И разве в этих материнских словах, Богом и сердцем надиктованных, не угадывается чуткая, щедрая и талантливая душа её сына! Ему уже с колыбели был «открыт и ведом просторечный русский стих» (ещё при лучине он начал писать поэму и не о ком-нибудь, а о Дмитрии Донском), и был дан от русских родителей-творцов «талант – в малом изобразить великое».

*Мне трудно, мне горько – не скрою,
Но совестью не поступлюсь.*

*Не рвусь в показательные герои,
А просто тревожусь за Русь!..*

Он с детства через отца с матерью почувствовал душу и плоть живого русского слова. В педучилище его как поэта открыл «словесник» Николай Иринархович Янусов, а в институте «работать над выразительностью и точностью слова» учил специалист по языкознанию Борис Николаевич Головин. От него Романов услышал о «светоносности поэтической строки, в которой должна гнездиться своя тайна очарования». Скоро преодолев свою робость, он «слова немочь превозмог». Рано понял, какая в нём скрыта глубина, слышал, как на жёстком сквозняке ветер властно «со слов сметает шелуху». Только упругое, ядрёное слово таких мастеров, как Александр Яшин, могло «гудеть и в бронзе». Для него «чем древнее были слова, тем согревней». Ещё задолго до него «из века в век золотом наливалось на севере русское слово». Потому и пишет он:

*Я в пути с тех времен и доселе –
Тыщи лет моя память жива.
И в лукошке моём для посева
Золотого отбора слова...*

«Поэта Александра Романова не баловал шумный успех, он шагал и шагал за своим плугом, сеял и сеял из своего лукошка, собирал урожай на своих полях. Из этого урожая выпечен добротный хлеб. Вот он – ешьте, не бойтесь, тут нет авангардных примесей и суррогатов, всё из чистой ржаной муки, всё добыто трудами всей жизни» (Виктор Боков).

Он не любил «жидкое слово – ни в поэзии, ни в прозе, ни в публицистике». Слово должно «обрекать на муку». «Словцо – должно светиться, как заново умытое, полное мысли и своего достоинства. В нём должен играть густой сок жизни».

У него много написано о слове (оно лежало в основе его дела всей жизни) и о поэзии (её он этим словом творил). И написано так мудро, так точно и просто, что диву даешься, отчего же я сам-то не додумался, например, до того, что: «родная сторона для поэта увеличивает и освежает пространство слова. Родная сторона особо освежает слова, наполненные к ней любовью. Она углубляет и расширяет честные слова поэта и вширь, и вдаль, и в поднебесную высь». Разве сам я, приезжая на родину, никогда в себе не чувствовал такого волнения и не пытался облечь в слово свои сокровенные мысли о тайнах внутреннего преображения у порога родительского дома? А кто из нас не искал ответа на такие вопросы?

«Привязанность к родине – что это? Твоя точка опоры на метельной земле?»

Но одно дело поставить вопросы, другое – найти на них ответы. Большинство из нас не утруждают себя поисками. Слишком тяжёлое это занятие и вроде бы мало кому и нужно. А Романов не робел. Он искал. И за жгучее желание его, за терпенье и труд души неуспышной он достаивался озарения выше. Пожалуйста, читайте и пользуйтесь, вон их сколько – его высказываний о её величестве Поэзии: «Поэзия – высочайшая подлинность человеческого существа». «Для Поэзии, кроме великой правды сердца, необходимы и великие просторы раздумий». «Истинная поэзия – это всегда преодоление людского одиночества». «Поэзия – это магия, это подталкивание и предопределение своего исхода». «Поэзия – это свободный порыв к истинам, ещё не познанным, и к красоте, ещё не виданной. Потому и самый первый знак утраты своего национального будущего – это исчезновение из народной жизни поэзии и искусства как её светоносности и радости».

«Привязанность к родине, – пишет он, – это поэзия твоего бытия на огромной земле, это выстраданная тобой поэзия жизни в домашней сторонке. Ничто так не молодит сердце, как воздух Родины. Поэзия – это душа человека в своём озарении

или раскаянии. Поэзия – это образ души человека, души зоркой, тревожной, наивно-мудрой, наполненной постоянным светом Родины. Только так возникает истинность поэзии, то есть своё понимание глубины человеческого и народного бытия в грозном мире».

*О, как Поэзия сильна!
Лишь безраздельно ей доверься,
В нужде, в беде она одна
Спасает исповедью сердца...*

Поэзией он поверял и свою повседневную жизнь, такую для многих из нас серую, скучную и будничную. Вот он выходит из осеннего леса, возвращается в избу, полный чувств, и пытается передать словом своё счастливое состояние, вспоминая, как «трепетали над ним не облетевшие ещё редкие листья». Что же произошло с ним? Сам он считает – чудо: «Я живу. Я ощущаю в себе что-то большое, важное, чистое. Я проясняюсь сам себе. Я открываю в себе что-то новое, за час до этого незнаемое. Интересно: я делаюсь добрей, мягче, тоньше...»

И впрямь – какие тонкие уловлены движения души! Сколько в них детского удивления, юношеского очарования и мудрого житейского счастья. Вот уж верно: «Поэзия – это оживающая в слове Природа. В ней сияние божественной красоты и силы, явленной миру через поэта, это воля, снисходящая на поэтов из высоких, таинственных сфер. Это – жаркие соприкосновения с великим Духом. Это зорко явленная вечность в будничности. Это будничность жизни, повёрнутая к нам своей извечной стороной, это заново умытая красота и заново рождённая сила русского Слова. Это подслушанный голос вечности...»

А что такое «вещество поэзии»? Это, по Романову, «свет откровений из глубины души или из разломов народной судьбы. Это словесное пламя самих времен». Как сказано! Столько поэзии и в самих-то его высказываниях! Для самого творца поэзия – это жертвенное самосожжение, а для его читателей-современников – «деяние защитительного духа, это доброе человекоустройство».

На встречах читатели, особенно молодые, кто и сам начинал «баловаться» стихами, часто задавали и такой вопрос: «Откуда берётся поэтический образ?» Попробуйка – ответ! Да так, чтобы понятно было и убедительно. Не отошлешь любопытного к поэтическому словарю, не отмахнёшься и шуткой не отделаешься, потому что на кон поставлено доверие к тебе как поэту.

А у Романова есть свой ответ на этот вопрос: «образ – это не просто художественная выдумка, а своеобразная энергетическая субстанция, пребывающая в самой природе. Это очень интересное и во многом таинственное явление. Как возникает, откуда берётся первый толчок – сказать трудно. Лишь чувствуешь блуждающий пучок энергии, стремящийся воплотиться в слово, в строку, в строфу...» Вот так! Читаешь его откровенья и вместе с поэтом соприкасаешься с непостижимой тайной творчества, где, *«Чтобы стать собою, Надо сквозь всю Россию Пропахать свой путь».*

Никто не скажет, что такое поэзия, но ухватить её, как Жар-птицу, за перо-строку, обжечься и почувствовать божественное дыханье Истины, дано избранным. Они, освящённые тайной, могут сказать, какие рождаются чувства в «особые минуты прозрения истинь», какие открываются бездны от «соприкосновения одной души с неслышными, потайными вздохами всего человечества» и какая требуется неземная энергия души, чтобы «уловить словом проблеск Божественного в сиюминутном».

В этом, по словам Ст. Золотцева, «одно из самых покоряющих свойств мастерства Романова: умение открыть особый и целостный мир в частности, в штрихе бытия, облечённом в точный и имеющий символическое значение образ. Чаще всего – образ судьбы человеческой».

Миг озаренья, минута божественного откровенья, часы вдохновенья и дни мучительного ожидания его – всё это отпускается только тому, кто понял, что «Поэзия – это ещё и смертельное дело», и не отступился от избранного Пути. Свидетельство тому и судьбы русских поэтов только последних трёх столетий, в том числе и наших, вологодских – Батюшков и Клюев, Ганин и Яшин, Рубцов и Чухин, Дружининский и Коротчаев.

Александр Романов из этого же ряда: «глубина сказанного мной в поэзии и прозе – это долгота моей жизни во времени». Иначе он не написал бы, что «Поэзия – это смертельное дело» и что «Она сжигает понявшего Её человека зароненным в душу огнём, а истины, таящиеся в Ней, добываются из окалины слов и лет. Да, чтобы слышать Её откровения, надо страдать, отрешаться от многих забот повседневной жизни. И долго страдать, влечь невидимые миру вериги. Лишь после таких испытаний допускает Она к своим тайнам; озаряет душу поэта простором неба. Но если поэт в отрешённой радости взлетит к ничтожным утехам, Она отнимет Слово и передаст другому избраннику. Она в своём деле беспощадна. Какие великие парадоксы заключены в Поэзии...

Владеть Поэзией – значит владеть Временем. Да, да! Время влетает только в талантливые и мудрые слова. Собственно, поэтическое истинное Слово и есть самое Время. Живое, немеркнущее Время...

Потому и в стихах Александра Романова оживает не только природа, расцветная им, с запахом, цветом и звуком, но и слышен пульс эпох и столетий, и каждая строка, опалённая ими, дышит в них временем российской истории. Он как художник чувствовал вечность, потому и остаётся для нас современным, а современность в его поэзии «не столько внешние реалии жизни, сколько драматизм человеческих взаимоотношений в потоке времени. В прошлом – очарование, в настоящем – страдание, в будущем – искупление».

Почувствовав себя в этом вечном «потоке времени», он задумывается над тем, что совсем не случайно «время любит скапливаться вокруг художников, поэтов и писателей, чтобы воплотиться в их творчестве, ведь именно в произведениях мастеров пера и кисти время осознаёт и выражает себя, чтобы не рассеяться бесследно...»

Но об этом на звоннице поэта поведает нам уже другой его колокол...

**ШЕСТОЙ КОЛОКОЛ:
«ВСТРЕВОЖИШЬ ДУШУ
– ЖИТЬ НАЧНЁШЬ...»**

Для Александра Романова в любом деле, в которое человек вложил душу, уже присутствует Поэзия. Он любил живопись и считал, что – «это осуществлённая кистью Поэзия». В его «живописных» стихах и очерках много, кстати, и самих мастеров «живописи»: от безымянного иконописца, творящего «свой помысел, в котором и вьсь, и твердь, и скорбь времён», до художников-современников. Валерий Страхов («Мир Божий чарует с холстов золотистых»). Евгений Соколов («холсты с зорями и закатами, с куполами и озёрами»). Владислав Сергеев («тончайший график, заставляющий всякую линию светиться и петь»). Джанна Тутунджан («талант высшей проникновенности»). Юрий Воронов («в рубцовской поэзии сумел увидеть светотени его лица»). Владимир Корбаков, в диалоге с которым поэт изрёк великие, будто самим народом русским в его уста вложенные, строки:

*...Летят всё круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!..*

Эту открытую им «поэтическую формулу» высоко оценил Валерий Дементьев. В письме к Романову он отметил: «Время (особенно нынешнее) во сто крат усилило и подтвердило твою правоту...»

Есть в его думах и слово, сказанное о картине Алексея Саврасова «Грачи прилетели»: «Великая картина! Так что же таится в ней? Ведь в этих кривых и скудных берёзках с грачиными гнёздами, в этом бревенчатом строении за ними, в этой белой колоколенке с тесовым шатром и этом только что вытаявшем из-под метелей тёмном поле с не растаявшим кое-где снегом – во всём затаилась многострадальная наша Русь перед своим обновлением. Веет талой водой, как надеждой на добрую жизнь, на хлебное поле...» И его «сердце в жаркой радости!».

Вряд ли Александр Александрович знал, что написана она в моём родном селе – Сусанино (в прошлом – Молвитино). Надо было привезти его на мою родину, показать «белую колоколенку с тесовым шатром», а заодно и на болото сводить, где Иван Сусанин погубил врагов земли русской. От камня, установленного здесь в память о подвиге русского крестьянина, отдавшего «жизнь за царя», уже и до моей деревни Попово остается километров пять по бетонке. Взошли бы мы и на пустынный холм, где трава, кусты и деревья скрыли от глаз людских пепелище моей родовой избы. А на сельском погосте у разрушенной церкви помолчали бы под кроной вековой берёзы в оградке дорогих мне могил и помянули моих любимых стариков – великих тружеников – деда Михаила и бабушку Анну.

Но так всегда у нас: спохватимся, да поздно. И всё же через этот его искренний отклик на картину поэт стал мне ближе и дороже, будто художник, освятив наши души Поэзией пейзажа, духовно породнил нас.

Погружаясь в его стихи и думы, ещё раз убеждаюсь в том, какое же он, Александр Романов, редкое художественное явление в нашей литературе – поэт и мыслитель. Романов, как и Яшин, стремился к тому, чтобы «художественное слово» не только ласкало слух, но и деятельно участвовало «в переустройстве жизни». Долг русского писателя он видел в том, чтобы «удержать в памяти многовековой духовный опыт русского народа, нравственный потенциал и нравственные силы старших поколений, чтобы увереннее и надёжнее строить нынешнюю жизнь и смотреть вперёд».

Для нас, современников, он не без Божьего, конечно, благословения стал посредником между нашим зябким и неустроенным настоящим и великим прошлым. Он обладал удивительной способностью осовременивать его и пробуждать в читателе неподдельный к нему интерес. А ведь и верно, время «осознаёт и выражает себя, чтобы не рассеяться бесследно, в произведениях мастеров пера и кисти».

Читаю «Дионисия в Ферапонтове». Читаю и ловлю себя на мысли, что Романов словом своим погружает меня в эпоху легендарного изографа, о котором «синодики не упоминают ни года, ни места его рождения и кончины, словно бы даруя ему изначальную вечность». И ведь совсем не случайно он призывает (не навязывает) иконописца в доверительные собеседники мне, живущему в третьем тысячелетии? Зачем? Может, затем, что в творениях рук и духа его – фресках собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря – сквозь пелену пяти веков дошла до нашего времени эпоха, отстоящая от нас на глубине двадцати поколений, эпоха «цельности души и разума». Это было время, когда «человек, обладая религиозным сознанием, не отчленил быт от бытия и, наоборот, осмысливал себя цельным везде». Об этом испытывал постоянную тоску и сам поэт.

«Вот Нил Сорский. Вот Дионисий, – размышлял Александр Александрович, – А мы-то, нынешние, до того испоганились, измельчали, предали своё великое прошлое, что ни о каком духовном самоусовершенствовании и думать не желаем. Лишь

по рабской привычке опять надеемся, что жизнь на Руси наладится кем-то и без нашего «умного и сердечного делания».

После таких слов сокрушается сердце, и стыдно становится за себя и за Державу. И вот уже сам я включаюсь в диалог с эпохой Дионисия, чувствуя рядом и присутствие поэта-современника. Поэт после молитвенного общения с фресками невольно задумывается о том, что «Дионисий – великий художник не столько нашего прошлого, сколько нашего будущего, ибо его божественная светоносность может оказаться необходимей, чем прежде, в предстоящие годы для одичавшего в безверии и погибающего в нравственных язвах русского народа».

В эссе, посвящённом повести Вал. Дементьева «Утешение Дионисия», поэт пишет: «Не краски он клал на влажные стены собора – душу свою положил, думу долгую и мучительную, потому и горение такое в храме. И всё это не на византийский манер, а на свой, русский».

Вот и сам Александр Романов тоже вкладывает в свои стихи, поэмы, статьи душу свою и такую же «долгую и мучительную думу». Он тоже надеется пробудить в читателе интерес к истории родной земли и заставить его вместе с собой сопрягать времена и эпохи, чтобы каждый мог яснее понять и глубже осознать себя в цепи прошедших поколений и точнее осмыслить своё на земле предназначение.

Я понимаю тревогу поэта за нас, рассеянных по свету и растерявших родственные связи, и разделяю его радость от осознания того, как наши предки «вседневно и всеучастливо вкладывали свои труды в неделимость времён и в будущее шли, как на подвиг». Наши предки и сегодня предостоят Господу и творят молитвы во спасение земли русской, то есть молитвенно соучаствуют в современной жизни России и в наших с вами делах и судьбах.

Романов был убеждён, что истинный поэт – всегда провидец. Он «дивился яшинской прозорливости, точности его предчувствования того, что непременно должно быть в жизни».

Галина Цинман вспоминает: «Помню, как Саша, мимо президиума, бросился из рядов к трибуне со словами: «Не могу молчать!». И дал такой разнос выступавшим по бумажкам против Яшина, что больше никто не осмелился взять слово и очернить поэта».

14 февраля 1963 года А.Яшин написал Романову: «Спасибо за поддержку. Считаю, что ты поступил и благородно, и мужественно не только по отношению к моей вещи, а по отношению к жизненной правде и, главное, по отношению к самому себе. Ржа ест железо, лжа – душу. Человек, проявивший слабость единожды, может на всю жизнь оказаться с переломанным хребтом. А для того, чтобы честно и плодотворно работать в литературе и служить народу, надо иметь хорошее здоровье и прямую спину.... Будь здоров. Очень тебя люблю!»

Читая поэму «Былинное поле» Алексея Ганина, Романов поражается тому, «каким предчувствием будущего обладал молодой поэт»: «Злодейство выползло поперёк всех мужицких надежд. Россия почернела. Страшен образ врага, явленный Алексеем Ганиным! Поэт разглядел ещё в зародыше то, чего не сумели понять многие и по сию пору. Зоркость прямо-таки провидческая, а мужество – отчаянное». Он читает поэму, написанную в 1917-1923 годах, а сам думает о том, что произошло с русским крестьянством на его памяти: «Голая политика так ознобила нашу жизнь, что не только закончелась вся мудрость хозяйствования, но и Россия уже перестала существовать как государство. И нас называют всего лишь русским населением, а не народом». Читая строки А.Ганина: – «Грозу да напасть не столетьем считать, Да в минуте грозы – на столетье беды...», – Александр Александрович чувствует, как «искрами сыплются эти слова в прожитые нами годовщины».

А вот размышление Романова над другой поэмой Ганина – «Памяти деда». Он называет «чудом утверждение, что смерть крестьянина – вовсе не кончина, а лишь всепрощающий переход в иное бытие, измеряемое отныне долгой людской памятью и оставленных на земле добрых дел». Как созвучно, согласитесь, это с нашим расточительным веком, когда стремительно пустеют русские деревни и вместе с её великими жителями уходит в небытие настоящая Русь. Но хочется верить, может, и впрямь, это ещё «не смерть крестьянина», а всего лишь «переход в иное бытие», и однажды он вернётся на землю в новом обличье, чтобы продолжить начатое им былинное дело. А ведь это ещё, если вдуматься, пишет поэт, и о той самой «памяти», которой будет измеряться земная жизнь каждого из нас уже после смерти...

Знакомясь с творчеством поэтов, писателей, художников и музыкантов (кстати, среди его коллег-писателей я знаю мало людей с такими разносторонними интересами), Александр Романов писал: «Неисчислимы художнические пути, но в своём разнообразии расходятся они лишь на две стороны. Ни третьей, никакой другой стороны в нравственном выборе художника вообще не существует – там тупики. Две же стороны – это обретение духа или затмение ума, труд благодати или соблазн порока, добро или зло...».

С Пути, однажды избранного им, он никогда не сворачивал и шёл по нему уверенно и ответственно, потому что знал – «Яшин строго смотрит мне в глаза», – а перед ним он всегда мысленно держал отчёт, как перед своим учителем и поэтическим «духовником».

Уверен, год от года интерес к творчеству Александра Романова будет возрастать.

Алфей Шабанов, будучи в гостях у Романова в Петряеве, сказал, что каждая его книга, увидевшая свет, – это венец его «духовного дома». Он будет согревать и укреплять нас, пока мы живём...» (из воспоминаний Т.Пушниковой). Она же искренне призналась, что ей «хочется не просто жить, а научиться жить по Романову – с чистой, незамутнённой совестью и душой, открытой людям».

Поэт слышит родственные отклики писателей и читателей и находит в них понимание, поддержку, дружеское участие и сопереживание.

Вот доносится до него голос Виктора Астафьева: «Пусть тебе, дорогой мой, родной и милый Саша, всегда поётся от всего сердца и во весь твой, пусть негромкий, но искренний голос. Не торопи время! Дальше всё от личности нашей зависит...»

Вот он слышит одобряющее слово Юрия Бондарева: «Мне всё интересно в Вашей книге, особенно – раздумья и записи, потому что считаю, убеждён, уверен, не сомневаюсь, – это одна из господствующих форм будущей литературы...»

А вот уже теплом обдаёт душу слова признания от Вадима Дементьева: «В живописи (поэтической – ред.) Вы сильнее всех вологжан. А почему? Потому что нашли интонацию какой-то мудрой доброты и грусти, вечности в малом, без которого эта вечность – звук пустой, абстракция...»

И нет, скажу я вам, цены каждому такому слову, особенно если оно было сказано искренне и главное – при жизни. Доброе слово поддерживало поэта и подвигало его на новые стихи и раздумья. А думы, выстраданные им, всегда были, «как угли, пламенно раскалены». Он – и в этом его счастье – вовремя услышал от своих единомышленников и много других вдохновляющих на работу слов и точных оценок своего многогранного творчества.

А.Яшин: «Поэт Романов самобытен, живописен, эмоционален. Есть у него драгоценный дар – удивительно устойчивое, светлое восприятие жизни».

В.Оботуров: «Он бывает в стихе разным: то эпически размашистый, живописный, картинный; то лирически самоуглубленный; то философски сосредоточенный над извечными проблемами бытия. Но каким бы разным он ни был, тем не менее, всегда

остаётся самим собой: искренним и совестливым человеком, который видит жизнь и людей добрым, светлым взглядом».

Ст. Золотцев: «Романов – один из далеко не многих, кто сумел остаться в своём слове современно русским, «беспримесным» по чистоте языка поэтом». Романов – «один из самых значительных поэтов сегодняшней России», он «прирождённый «собираатель» родного в стихи...»

В творчестве своём поэт мужественно смотрел в глаза правде века. Он выстрадал и принял трагический исход крестьянского духа с освоенных и веками обустроенных мест. Не смирился, но принял как историческую данность. Только освободившись от этой угнетавшей думы, он, обладая провидческим даром, мог увидеть в будущем и новую Россию – сильную духом, крепкую верой и богатую талантливыми людьми, ту великую Россию, к которой обращал он свои стихи и думы.

В день смерти на рабочем столе поэта лежала статья «Здравствуй, племя молодое!..». Он написал её после встречи 23 апреля 1999 года с учащимися вологодской школы № 15 и приготовил её для газеты «Красный Север». На этой встрече ученики задали ему такие вопросы: «Что значит для Вас счастье? Можете ли Вы сказать про себя: – Да, я счастливый человек! Что Вы считаете главным в жизни?»

– В моём понимании главное счастье, – ответил он, – это любимый труд, избранный тобой на всю жизнь. Могу ли я сказать сейчас про себя: «Да, я счастливый человек? Пожалуй, да...»

Эту заметку он перечитывал с утра. Ещё раз произнёс про себя слова о счастье и ещё раз, наверно, утвердился в том, что он действительно – счастливый человек!..

Он мог так сказать. А подводя итоги сорокалетней работы в русской поэзии, мог и признаться себе с чистой совестью (а она у него всегда была неусыпна, как «луч сторожевой»): «Я никому не подражал – ни Яшину, ни Орлову, ни Викулову, ни Рубцову... Мне хватало для моей поэзии того, что возгоралось в душе с юности, что навевали родные леса и поля, красноречивая деревенская родня... И чем дольше я жил, тем больше удивлялся, что поэзия не покидает меня... Значит, Родина моя – Русь моя почитала меня своим сыном. Честным сыном...»

И это правда! Как правда и то, что таких преданных сыновей у неё становится всё меньше и меньше...

*«Но об этом подумаем молча –
Ради светлости дня!»*

Владимир Кудрявцев

*Известные Собо-
искусники Вереща. Романов*